

Моляко В.О. Проблема функционирования творческого восприятия в условиях избыточности информации разной модальности и значимости // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України. – К.: Видавництво «Фенікс», 2013. – Т. XII. Психологія творчості. – Випуск 16. – С. 7-19.

УДК 159.9

В. А. Моляко (з. Киев)

**ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО
ВОСПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗБЫТОЧНОСТИ ИНФОРМАЦИИ
РАЗНОЙ МОДАЛЬНОСТИ И ЗНАЧИМОСТИ**

В статті висвітлено багатопланові аспекти вивчення проблем творчості, творчого сприймання. Представлено теоретико-методологічний аналіз функціонування стратегій в сучасних інформаційних сферах; робиться спроба визначення «факту» в психології.

Ключові слова: *творчість, творче сприймання, інформація, факт, стратегія.*

На особую актуальность, причем с тенденцией ее возрастания, проблемы деятельности в условиях избыточности (и дефицита! – об этом ниже) разномодальной, разнозначимой информации мы обратили внимание уже более тридцати лет тому назад, когда теоретически и экспериментально разрабатывали концепцию (а фактически – своего рода идеологию) стратегической организации творческих процессов, а в прикладном плане – при разработке диагностико-тренинговой системы КАРУС (см. [14; 15] и мн. др.). Однако, несмотря на не преувеличенно судьбоносную для человека (и человечества! – достаточно вспомнить напоминание астронома И.С. Шкловского еще в 60-е годы: одну из возможных причин гибели человечества – от избытка наработанной информации, которую мы не в силах понять и усвоить, см. [26]) значимость этой проблемы, она не стала предметом широкого научного внимания в отечественной психологии, за исключением разработок, осуществляемых рядом наших коллег, см., например, [1; 3; 4; 5; 12]).

Сегодня говорить о потоках, «ливнях», «водопадах» информации – это уже своего рода банальность, успешно проникающая на страницы не только научной, но и «обычной» прессы, радио, телевидения. Мы уже живем в информационном обществе, мы вступили в информационную эпоху и т.п. Но и при этом нужно отметить, специальных психологических исследований, направленных на изучение «судьбы человека» в информационных «джунглях», что, конечно, крайне парадоксально, мало. И это, как однозначно подчеркивалось, обуславливало наши специальные исследования именно проблемы творческого восприятия с последующим углубленным изучением наиболее существенных ее сторон, в том числе и тех, которые жестко детерминированы собственно информационными факторами профессиональной деятельности, обучения, да и обыденного существования человека в условиях информационной зависимости и разных способов ее избегания.

Конкретное обращение к этой, прямо скажем, чрезвычайно сложной и «труднодоступной» проблеме требует определенного пересмотра ряда уже сложившихся положений, равно как и повторения своего рода аксиом, которые, даже будучи более или менее признанными, почему-то забываются при создании новых концепций, гипотез, теорий. По меньшей мере на три из них не лишне будет обратить повторное наше внимание и в данном случае,

именно: потоковость психики, повышенная релятивистская реальность психики, определение и интерпретация фактов в психологии. Поскольку о потоковости мы уже неоднократно вели речь и делали соответствующие акценты в целом ряде недавних работ, мы здесь на этом останавливаться не будем.

Достаточно очевидно, что и релятивистскую сторону в исследовательской психологической практике нет особого смысла представлять как-то слишком расширенно, а тем более оригинально. Большое число и философских, и методологических работ весьма авторитетных авторов, в том числе и ряда психологов, в последнее время освещают эту важнейшую сторону познавательной деятельности человека в самых различных ракурсах (см., например, работы [6; 7; 8; 9; 17; 23; 24; 27]). Данная платоновская формула-афоризм «Я знаю только то, что я ничего не знаю» с течением времени не только не стала какой-то архаикой, а обрела новую жизнь, парадоксально «заиграла» в наше время изобилия знаний и форм их представления. Психологам, может быть, как никому в научном мире, ныне, когда почти завершена постройка вавилонской башни концепций, теорий, и многочисленные школы ведут внутри этой башни беспощадную войну за квадратные метры научной площади, – психологам не лишне было бы отойти подальше от этой башни, желательно «в сторону моря» реальной психики и пусть какой уж там ни есть снастью – удочкой ли, сетью – попробовать поймать если уж не золотую, то хотя бы серебряную рыбку адекватного взгляда на придуманные и выдуманные театральные реквизиты, в которые успели многократно нарядить несчастную Психею многие ее искренние и симулирующие страсть поклонники и ухажеры, потратив на это, пожалуй, весь XX век.

Раз уж мы коснулись барьеров релятивизма, то неизбежно возникает и вполне классический вопрос о природе, формах, особенностях определения и интерпретации фактов в психологии, которую при всех оговорках мы все же включаем в сферу наук. Казалось бы, уж о чем, о чем, но о фактах написано и наговорено столько, что здесь и добавить нечего. Может быть, где-то оно и так, но, увы, не в психологии. Напомним, что вообще понимается под фактом.

Берем почти наугад один из соответствующих словарей и читаем: факт (по латыни – сделанное) – 1) истина, невымышленное происшествие, событие, явление, 2) твердо установленное основание, на котором строится теория, 3) знание, достоверность которого доказана... [2, с. 933]. В другом словаре похоже, но с некоторыми оттенками: факт – 1. Действительное, реально случившееся происшествие, событие, явление. 2. Знание, точно установленное опытом и служащее для какого-либо заключения, вывода, являющееся проверкой какого-либо предположения. 3. Действительность, реальность, то, что объективно существует [16, с. 453].

Казалось бы, все вполне четко и определено, если... не вовлекать нашу психологию. Спросим, например, чья-то мысль, чувство – это объективная действительность? Не говоря уже о сновидениях, всяких там телепатиях и пребываниях в иных мирах. Исследуя творческую (хотя, само собой, не только творческую) деятельность, нами, пусть и с определенным личным опозданием, была сделана достаточно скромная, но незакамуфлированная «само собою разумеющимся» фразами, попытка напрямую высказаться по данному поводу (см., [14], а также [15]). Здесь будет уместно привести наши соображения.

Напоминая о содержании известной статьи Б.М. Теплова об объективном методе в психологии, мы обратили внимание на то, что в ней ничего не говорится о самих психологических фактах. Как же мы осуществляем психологические исследования, если до сих пор не разработали мало-мальски приемлемую теорию факта в психологии?! Это один из парадоксов развития нашей науки, который тащит за собой шлейф псевдоисследований, построения карикатурных гипотез, осуществления компьютерного обчета фантастических или просто псевдоданных.

В связи с этим в рамках элементарной логики возникает, так сказать, неотвратимый вопрос: что следует считать фактами, в частности, в изучаемой нами творческой деятельности. Для начала здесь следовало бы построить хотя бы первичную и приблизительную схему тех объективных проявлений, которые можно рассматривать именно как факты, относящиеся к творчеству, выражающие его, дающие возможность его анализа и интерпретации (повторим еще раз: не только в рамках творческой деятельности). Мы тогда начинали рассуждения «с конца»: основным фактом творческой деятельности является его продукт – книга, симфония, техническое устройство, картина, стихотворение, новая идея, закрепленная в слове или другом символе и т.д.

Но по конечному продукту нельзя достаточно успешно изучать сам процесс его создания, особенно если мы не имеем его промежуточных вариантов. Нужны именно промежуточные факты, каковыми могут быть в техническом творчестве эскизы, чертежи, модели, варианты устройств, если речь идет о максимально объективных «свидетелях» творческого процесса. Если же подключить сюда и другие данные, скажем, устные отчеты, мнения экспертов, биографические сведения и т.д., то можно расширить сферу анализируемых данных. Однако при этом во весь рост встает проблема степени достоверности субъективно воссоздаваемых фактов – ведь здесь речь идет о фактах, поступающих в контекст анализа «из других рук», подтверждающих различного рода «цензуре», деформации, интерпретации, в том числе иногда и умышленной. Это один из наиболее острых вопросов надежности и достоверности психологических исследований, реализуемых в психологии методических средств. Если добавить сюда максимальную закрытость (в прямом смысле) данных, поступающих из сфер «чужого» сознания и подсознания, специфики протекания творческого процесса (например, его длительности, которая может измеряться секундами или же, наоборот, годами, спонтанности и пр.), то картина будет едва ли не безнадежной. Не случайно в свое время В.М. Бехтерев, по свидетельству одного из пионеров исследования творчества С.О. Грузенберга, считал исследование творческого процесса невозможным в принципе.

Изучая функционирование стратегий в конструкторской деятельности, мы выделили следующие критерии для изучения процесса творчества, реализации стратегии в ее основных циклических проявлениях, а именно:

1) наличие соответствующих исходных действий при усвоении условия задачи (поиски аналогов, комбинации и др.);

2) принятие решения о понимании условия задачи на основании определенных (внешне выраженных) высказываний, действий решающего субъекта;

3) наличие организационных действий по формированию проекта, замысла, гипотезы решения задачи (с использованием тех же аналогов, комбинаций и др.);

4) принятие решения о возможном соответствии проекта (замысла, гипотезы) заданию по конкретным признакам (см. п.2);

5) наличие организационных действий по апробации проекта (замысла, гипотезы), выражающихся в поисках аналогов, комбинировании и т.п.;

б) принятие решения о приемлемости, адекватности проекта (замысла, гипотезы) требованиям технического задания, определившего конкретную задачу поиска конкретной структуры с конкретными функциональными характеристиками.

Какие же факты могут проецироваться вовне, отображая процесс функционирования стратегии, если исходить из этих выше представленных критериев ее «внешнего» определения? Прежде всего, это действия, связанные с каким-то определенным использованием ранее известных технических механизмов или их частей, с их перестановкой, определенными манипуляциями с эскизно изображаемыми деталями различных механизмов – различными графами (линиями, окружностями и т.п.). Закрепленное на бумаге изображение также не является, так сказать, гарантией полного соответствия тому, что решающий задачу представляет в конкретный момент на самом деле – ведь это может быть обусловлено и степенью владения графическими умениями и навыками, наличием своего рода «личных графических кодов и символов» и т.п. Однако, если исследовать профессиональный уровень конструкторской деятельности на большом материале (с привлечением большого числа исследуемых), то такого рода соображения становятся минимально значимыми, графика у инженеров является их языком, и они владеют им, как своего рода эсперанто, и, следовательно, примерно одинаково представляют в эскизах и чертежах соответствующие технические детали, узлы, устройства в целом.

Перебросим «мостик» от этих рассуждений к нашей конкретной тематике, связанной с изучением творческого восприятия и (уже, разумеется, не в первый раз) поставим вопрос о том, что мы можем считать ФАКТАМИ ПРОЯВЛЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ, и, в частности, ТВОРЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ? Вопрос, вроде бы, простенький и банальный, но едва ли не убийственный в своем неглубоком подтексте – ведь, если продукты какой-либо деятельности мы можем вполне реально созерцать по их объективной явленности, то где искать эти продукты, когда речь идет именно о восприятии? Да, хотим ли, не хотим, а здесь налицо самое что ни на есть неотвратимое обращение к ее величеству интроспекции, которую весь XX век старательно и порой грубо изгоняли из научно-психологического «рая». Не будем привлекать ненужно сложных примеров, выберем любой из миллионов – человек рассматривает картину, т.е. занимается, так сказать, самым настоящим восприятием и, пока мы не пристаем к нему с вопросами, что он видит, что он думает и т.п., он воспринимает картину молча. Совсем неважно, кто этот человек – студент, академик, бомж, или сбежавший с уроков школьник, мы, даже если будем стоять совсем рядом, никак не сможем разгадать даже простейшие проявления его перцепции, не говоря уже о перцептивном творчестве. И как же быть?

Обвешать субъекта тьмой датчиков, подключить десяток компьютеров, детектор лжи и пытаться расшифровать их показатели? Можно, но что будет у нас в итоге? А одно – мы будем воспринимать показатели этих приборов и нужно будет, в дополнение ко всему, делать поправки на это наше (может, и творческое) восприятие восприятия. Любое здравое рассуждение сведется к

тому, что тут нам не поможет никакой «телевизор мозга» (незаслуженно забытое среди других изобретение Е.А. Милеряна) со всеми прибавками современной нейропсихологии. Ибо во всех подобных случаях мы неотвратно попадаем в ловушку бихевиоризма: творческое восприятие в его оригинале находится, прошу прощения за бытовизм, «в голове» у воспринимающего субъекта и только у него. И даже, когда он сам, лично начнет нам рассказывать, что он видит и т.д., то это будет не РЕАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ, а пересказ о нем со всеми вытекающими отсюда очень знакомыми нам последствиями, напрямую зависящими от словарного запаса субъекта и его умений этим запасом адекватно распорядиться, его настроения, его отношения к «допрашивающему» и от многого другого.

Само собой разумеется, что на это далекое от оригинальности, рассуждение, последует столь же неоригинальная реплика: в психологии изначально все так и обстоит, или же гораздо более агрессивная, хотя, с нашей точки зрения, равно и невежественная, что, мол давно уже исследовательский трон заняли наблюдение, анкеты, тесты и даже эксперимент, нечего вдаваться в бесперспективную архаику. Смешно было бы говорить, что мы здесь выступаем против этих методов. У нас гораздо более скромное желание – лишний раз напомнить, что, если уж быть сколь-нибудь объективным, то нельзя забывать, что нашу психологию мы должны классически разделять на две ее далеко, конечно, неравные части: ПСИХОЛОГИЮ ИНТЕРЬЕРНУЮ и ПСИХОЛОГИЮ ЭКСТЕРЬЕРНУЮ, т.е. собственно психологию как внутренний мир человека и ее проецирование в виде речи, движений, деятельности вовне (это и будет достоянием бихевиоризма без какого-нибудь к нему негативного отношения).

Дискуссию на эту тему можно продолжать едва ли не до бесконечности, но попробуем подвести представлению нашей позиции совсем краткий итог: собственно психическая деятельность как таковая протекает в сознании (и, куда уж денешься, после психоаналитических и иже с ними «нашествий») в подсознании человека, а все, что от нее попадает во внешний мир – это (внимание!) ПРОЕКЦИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, в большей или меньшей степени адекватно отражающая первую. А если уж конкретно по поводу регистрации фактов, то мы ВСЕГДА будем иметь дело с их, опять-таки, большей или меньшей зеркальностью (в том числе и с учетом многообразия существующих зеркал, раз уж мы привлекли эту метафору).

Но, и это также само собой разумеющаяся составляющая нашей позиции, в общем нужно настаивать на комплексности психологических методов, их по возможности максимально совмещенного использования во всех сколько-нибудь сложных проявлениях психики. Мы отстаиваем именно синтетическое многообразие, а не гипертрофированное моделирование крыловской басни («Лебедь, Щука и Рак»). И здесь я позволю себе привести одну очень длинную, но весьма поучительную в разных смыслах цитату:

«Психология слишком две тысячи лет существует, как отдельная, самостоятельная отрасль знания, и имеет весьма обширную литературу, – между тем относится к разряду наук еще неустановившихся, несформировавшихся окончательно. Область ее исследований не определена с точностью, не допускающего разногласия; ее задачи и конечная цель не установлены как следует; она не имеет строго определенного в теории и

выработанного на практике в целом и подробностях метода и общего плана; терминология ее относится к самым несовершенным и неточным. Даже самостоятельность ее, как особой, отдельной науки, подвергается сомнению: многие считают ее просто отделом физиологии, главою этой науки. В виду такого положения науки, становится делом первой важности выяснить с возможною определенностью..., что именно должно изучать в психологии, с какой целью и каким образом изучать, т.е., употребляя технические выражения, – определить ее область и предмет, ее задачи и метод. От этого определения зависит все развитие науки, правильной, единообразной, к одной цели направленный ход исследований в ее области, при полном согласии в главном и при взаимной поддержке всех исследователей, идущих теперь разными путями и в разные стороны, иногда диаметрально... противоположные, враждующие между собою и подрывающих труды друг друга». И далее: «...психология, понимаемая как вообще наука о душе, точнее и подробнее определяется как наука – о явлениях душевных, в их взаимных соотношениях, в их основе или последней причине. Каждый из этих моментов одинаково необходим в составе науки о душе и требует одинакового от нее внимания и полного, всестороннего изучения. В силу этого как полное исключение одного из них, так и преимущественное сосредоточение исследований на одном, а тем более преобладание одного над остальными и подчинение их, – одинаково искажают науку о душе, делают ее несоответствующей своей идее, неправильно поставленной и неспособной достигнуть своей цели всестороннего изучения души» [20, с. 34-35, с. 49].

У читателя по прочтении этих цитат может возникнуть, как мне представляется, вполне недоуменный вопрос: зачем такое обильное и очень многократно оглашаемое на конференциях, на страницах наших основных психологических изданий (см., целую серию дискуссий в «Вопросах психологии» за последние 5–10 лет) многими ведущими психологами подчеркивание разброда в разработках, утраты методологических и теоретических ориентиров и т.д. и т.п. Так-то оно так, но все дело в том, что в данном случае я не цитировал ни В.В. Давыдова, ни В.П. Зинченко, ни Н.И. Чуприкову, а... профессора Казанской духовной академии, издавшему «систематический курс чтений по психологии в 1893 (!!!) году. Как говорится в подобных случаях, – долгая пауза. А я ее заполню лишь очень лапидарным комментарием: наша психологическая наука совершила большой и многострадальный круг общей длиною более чем в сто лет и вернулась, несколько утрированно говоря, на круги своя, а это, признаем, намного все же лучше, чем вернуться к пушкинскому рыбаку, к обезумевшей от олигархических замашек злобствующей старухе, да и еще вдобавок к разбитому корыту повседневного бытия и быта.

В такого рода наших рассуждениях, к сожалению, нет никакой претензии на юмор, а лишь еще одна констатация того положения, в котором по-прежнему находится психология на протяжении уже длительного пребывания в статусе науки. И это, следует прибавить к сказанному, все еще, так сказать, проблемы давние, классические, ставшие предметом дискуссий, поисков и исследований, когда еще далеко было до грянувшей в конце XX века информационной революции, или, точнее будет сказать, информационного нашествия, перед которым меркнут даже нашествия

татаро-монгольские, которые все же ограничивались территориями Киевской и Московской Руси.

Сегодня же об информации, о ее масштабах, значении и даже индивидуальной и социальной судьбоносности пишут и говорят, так сказать, на каждом шагу. И это, разумеется, не разновидность какой-либо моды, а без всякого преувеличения – неотвратимая реальность, которая требует к себе уж неплатонического внимания в самых различных планах. За последние 50-60 лет мы далеко уже отошли от первых концепций теории информации (К. Шеннон, Н. Винер, А. Тьюринг и мн. др.) и прочно углубились в самые настоящие джунгли информации (СМИ, Интернет, обыденная урбанистическая реальность). От несколько экзотических вопрошаний типа «может ли машина мыслить?» мы, именно по причине информационного изобилия, теперь уже начинаем все чаще задаваться более трагическим вопросом: а сумеет ли мыслить человек в наступивших и наступающих условиях информационного пленения и вытекающих из этого своего рода информационных экзекуций?

Это не гипербола, не художественный образ, потому что наличие информации детерминирует необходимость ее переработки, а, говоря сугубо психологически, ее понимания. Иначе... Но здесь позволю себе обратиться к такому авторитету, как А. А. Зиновьев. В своей последней крупной работе, ставшей фактически его философским, и не только философским, завещанием, он в заключение написал:

«Если в двух словах подвести итог эволюции человечества, за прошедшую историю, он уложится в одну-единственную фразу: человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убивало сам фактор своего понимания. Что касается изобретений интеллекта, сопоставимого с человеческим и даже превосходящим его, то в мире постоянно производятся миллиарды интеллектуально примитивных существ. Воображаемые же супергении в лабораториях суть продукт стопроцентной логической безграмотности и шарлатанства, современного тотального оглупления человечества. Наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости» [7, с. 521].

А что, если быть предельно кратким, представляет из себя глупость? Это, как мы отмечали уже давным-давно, НЕПОНИМАНИЕ, неправильное понимание, недопонимание той информации, с которой сталкивается человек в самых разнообразных профессиональных и житейских ситуациях [см. 15].

Об этом другими словами, но в полном соответствии с общими выводами того же А.А. Зиновьева, да и не только его, писал в своей статье «Информационное общество: возможность и реальность» Н. Моисеев: «Народы, не сумевшие овладеть информационными технологиями и использовать их, неизбежно окажутся на периферии исторического прогресса» [9, с. 447]. И далее об особенностях перехода в информационное общество и вероятных последствиях: «Прорыв в информационное общество будет труден. Он откроет этап истории с более острой конкуренцией. Может быть лишеной сполохов войны, но не менее жесткой для отдельного человека. Смягчение последствий такого прорыва необходимо и возможно, но оно произойдет лишь в том случае, если возникнет общепланетарное гражданское общество. Переходный этап к информационному обществу мне хочется назвать обществом риска, когда

уже видны некоторые черты желаемого общества, но люди еще не готовы его принять. И в любой момент мы можем сорваться в катастрофу... Смена жизненных установок не может не произойти – механизмы самоорганизации действуют неумолимым образом. Но мы должны найти средства, способные смягчить этот процесс, и избежать катастрофы» [там же, с. 447–448].

Н. Моисеев не говорит в данном случае о таких конкретных средствах, включая их в системы развития коллективного интеллекта, всемирного гражданского общества и пр. Не вступая с автором в сколько-нибудь компетентную дискуссию, позволю себе, оставаясь в силу профессиональной судьбы на баррикадах психологии, очень неоригинально заметить (это находит и прямое, и косвенное освещение во многих не только психологических работах), что **ЕДИНСТВЕННЫЙ** здесь путь, по единственному «мосту» – **ТВОРЧЕСТВА**. То есть нужно найти **НОВЫЕ СРЕДСТВА** постижения и преодоления **НОВЫХ ПРОБЛЕМ**, новых задач. Причем творчества в первую очередь индивидуального, иначе откуда потом взяться коллективному, если его не будет у составляющих коллектив индивидов (кстати, мне представляется, что о коллективном творчестве можно говорить более реалистично, чем о коллективном интеллекте; коллективное творчество – это когда над решением новой задачи работает конкретный коллектив, а вот откуда берется коллективный интеллект и как он, кстати, может быть измерен, это, лично для меня, скажу максимально мягко, большая загадка).

А в нашем контексте, раз мы заговорили о творчестве, рукой подать до проблемы творческого восприятия, так как именно с него «все» и начинается – распознавание, понимание и первичная (при кратковременном контакте) интерпретация новой информации – это и есть его основная функция, собственно основа адаптации в информационной среде (см. об этом подробно, например, в [9, с. 258–281]). Мы здесь намеренно не касаемся проблемы информационного общества во всей ее масштабности, вышеприведенных акцентов, думается, вполне достаточно, чтобы в перспективе специальных исследований вовлечь ее в конкретное русло анализа и футурологического осмысления (по этой проблеме существует ныне уже обширная литература, см., в частности, [8; 9; 24 и др.]).

Обратимся теперь вновь к проблеме творческого восприятия и зададимся теми конкретными вопросами, которые мы уже достаточно давно включили в виде существенных составляющих диагностико-тренинговой системы **КАРУС**, а именно: каковы особенности протекания творческих процессов в условиях исходной (и не только исходной, но и «появляющейся во время решения, деятельности) избыточной информации или, наоборот, ее дефицита. Как бы то ни было, но не требующей никаких доказательств остается аксиома – любое творческое решение так или иначе начинается и протекает именно при проявлении этих признаков информационной насыщенности. Но чтобы более определенно выйти на анализ самого процесса восприятия, в русле нашей общей концепции его стратегической организации, совсем нелишне будет напомнить об особенностях самих стратегий. И это тем более уместно, что мы сам процесс творческого восприятия рассматриваем как совершенно автономный в общем процесс решения задачи, или же как собственно единичный процесс решения задачи «на восприятие» (например, интерпретацию).

Итак, при описании процессов стратегического мышления мы в качестве исходных предпосылок начала решения выделяем три основных составляющих, которые всякий раз проявляются в не поддающемся аналитической регистрации переплетении стратегии как своего рода инстинктивного и диспозиционного общего импульса – реакции на новое (условие задания); плюс интуитивный – ближний и дальний – прогноз возможностей ассимиляции этого нового (принципиальной успешности или неуспешности решения данной задачи, проблемы); плюс подключение (включение) системы действий, приемов, умений доведения в конкретных условиях. Все эти составляющие могут иметь запаздывающий, синхронный или опережающий характер.

Собственно процесс решения в конфигурации циклов оценивания, замысла, достижения проекта одновременно с импульсивно-интуитивными составляющими – это в той или иной степени рациональное, логическое продвижение к решению, нахождению искомого ответа (продукта, объекта, системы, структуры с определенными функциями).

Мы «внешне» регистрируем стратегию как магистральную траекторию деятельности по нахождению искомого (своего рода вектор «главного, решающего удара», если прибегнуть к «милитаризации» понятия). Другими словами стратегия выстраивает в своеобразном хаосе образов и понятий траекторию воссоздания ответа – мыслительного поиска решения в виде той или иной конструкции. Ориентируясь на ранее введенную нами в аналитический ресурс общую схему трансформации возникающих при конструировании образов, можно попытаться перенести ее на цикл творческого восприятия, как самостоятельную задачу:

– задача (проблема, объект восприятия), если она в своем представленном условии содержит части системы знаний, которыми располагает воспринимающий субъект и которые ассоциативно актуализируются, можно говорить о, пусть и достаточно смутном, детерминировании пробраза, некоем его проникновении в сферу сознания в тех или иных контурах различной определенности и четкости;

– пробраз, как своего рода образно-понятийный «фонарик» освещает ближайшие ассоциативно еще более близкие поля, способствует извлечению из них наиболее адекватного уже достаточно конкретного (по мнению воспринимающего субъекта) прообраза пока еще гипотетического опознания, узнавания, декодировки нового объекта;

– прообраз по-видимому может, если он не является единственным вариантом реагирования на новый информативный комплекс, стимулировать появление других в какой-то мере конкурирующих прообразов, что предполагает выбор одного из них, как наиболее подходящего, и тогда этот прообраз может стать образом-ориентиром, т.е. до определенного момента главным претендентом на установление сущности новой информации, если он таковым и остается, или же на его место выбирается из числа других прообразов какой-либо другой, то какой-то из них обретает роль ведущего образа, практически уже единственного, который трансформируется в образ-проект (замысел, гипотезу);

– образ-проект соответственно трансформируется уже в образ-решение (структуру-решение, определенную конструкцию), который и можно рассматривать как окончательный продукт воссоздания в процессе творческого восприятия задания, ситуации, объектов и т.д.

Само собой, что траектория поиска конечного образа проходит через точки бифуркации, когда многократно могут приниматься определенные решения, осуществляться сопоставления, делаться выбор и т.п. в потоке решения (восприятия), который регулируется, направляется, организуется именно стратегическим вектором – «оценщиком» всех такого рода микроситуаций выбора, оценивания и пр. (о функционировании стратегий см. также в [13; 14; 15]). Кроме того, здесь нелишне будет напомнить, что данная схема протекания творческого процесса является именно схемой, а не алгоритмом, и даже не претендует на обязательную последовательность соответствующих микроэтапов, поскольку речь идет именно о творческих процессах, что с учетом в каждом отдельном случае также и личностных характеристик субъекта творчества способствует более или менее уникальному проявлению всех особенностей творческого решения, творческого восприятия.

О самих конкретных методических приемах диагностирования, стимулирования и тренингах творческой деятельности, в частности с применением методов избыточной информации и недостаточной информации в исходных условиях заданий, нами рассказано в целом ряде работ, а также диссертационных исследований наших коллег (см., например, [1; 13; 18], а также диссертации [3; 4; 5; 11; 12; 19; 21; 25] многих других). Об одной из модифицированных методик исследования собственно творческого восприятия мы планируем поведи речь в специальной статье.

Раз уж мы коснулись в данной статье таких принципиально важных вопросов, связанных с конкретикой исследования собственно творческой деятельности, творческого восприятия, и в первую очередь вопроса стратегической организации творческого процесса, нельзя, пусть все в том же лаконичном варианте, не затронуть и вопросы, органически вплетающиеся в реалии зарождения функционирования и реализации в каждом конкретном случае реальных стратегий. Речь идет, как это не трудно понять, об индивидуальных субъективных, личностных детерминантах стратегического (и, разумеется, тактического, оперативного) мышления решающего задачу субъекта. Это собственно, о чем по ходу анализа по касательной уже говорилось, целый массив, характеризующий знания, умения, навыки, мотивы, субъективные предпочтения, да и волю, характер, эмоциональный сектор, а если коротко, то всю психологическую культуру, но не только, а еще и нравственно-духовные устремления, атеистический или конфессиональный статус каждого конкретного человека. Может это покажется и излишне громоздким привлечением для рассмотрения каких-то минизаданий, но все это обязательно нужно включать в ареалы изучения творчества, если иметь в виду его прогностическую, судьбоносную роль в решении проблемы буквального выживания и народов, и человечества, и отдельного человека в антагонистическом лабиринте современного быта и бытия. Здесь, как это было во все времена, психология органически переплетается с философией, а в последнее время с социально-экономическими, этнографическими, геополитическими и другими научными сферами.

Разумеется, эта тема требует специального и достаточно обширного рассмотрения, но здесь будет более чем уместно обратить внимание хотя бы на имеющие самое непосредственное отношение к разрабатываемой нами концепции творческого восприятия как конструирования новых образов,

новых картин мира самого различного масштаба и субъективной значимости выводы Б. Ваассена, представляющего такое направление как радикальный конструктивизм. Б. Ваассен, как и мы в своих исследованиях, полагает, что человек является существом, которое целенаправленно конструирует действительность. И исходя из этого, раскрывает составляющие такого рода конструирования:

- а) конструировать – значит целенаправленно различать;
- б) конструирование порождает когерентный, соотносительный мир;
- в) конструирование есть безграничный, рекурсивный процесс;
- г) конструирующий человек и конструируемый им мир составляют процессуальное единство;
- д) конструирование есть процесс, порождающий континуальность и циклическую причинность;
- е) конструирование – это индивидуальная, узаконивающая саму себя деятельность» [цит. по 27, с. 322].

Строго говоря, такого рода положения не являются принципиально новыми, поскольку, скажем так, конструкторское призвание, конструкторскую миссию человека в жизни и мире засвидетельствовали практически все сколько-нибудь значимые религиозные и философские труды, начиная с времен доступной нам древности. Так, например, в Ветхом Завете об этой конструктивной и деструктивной извечной деятельности человека прямо говорится в «Книге Екклесиаста» в известном выражении – время собирать камни и время разбрасывать их, как и во многих других местах и Библии, и Нового Завета. Точно так же речь идет, скажем, о конструировании правильного жизненного пути в китайском трактате «Дао де дзин», равно как и реализация гексаграмм для конструирования своего будущего в повседневной жизни на страницах другого выдающегося произведения «И цзин».

И, опять же, проецируя эту классическую сущность преломленного в каждой личностно окрашенной деятельности, во всех случаях творческого восприятия в его актуальных сегодняшних измерениях, мы можем пытаться постигнуть общие закономерности и уникальные особенности каждого конкретного случая восприятия новой информации. Об этом, анализируя тенденции переплетения модерна с контрмодерном, очень убедительно поведал известный философ А.С. Панарин. И мы, избегая погрешностей пересказа, приведем в заключение пусть и длинную, но зато исчерпывающе вписывающуюся в наш контекст цитату из его последней книги:

«Технологии прежнего, прометеева типа, связанные с похищением космического огня творческой мыслью, вовлеченной в процесс реального общественного производства, подменяются манипулятивно-наркотическими технологиями, преобразующими не саму действительность, а наше ВОСПРИЯТИЕ и МИРОЧУВСТВИЕ (выделено нами – В.М.).

Речь идет, ни меньше, ни больше, о том, чтобы изменить систему восприятия, сформулированную в процессе антропогенеза. Наше сознание, как говорят психологи, интенционально и энтероцептивно – то есть характеризуется направленностью на внешний мир и открытостью этому миру.

Новый глобальный эксперимент, связанный с радикальной автономией обозначающего от обозначаемого, знака – от референта, грозит превратить наше восприятие в интероцептивное, закрытое внешнему миру. Речь идет о

чем-то, подобно тому, как если бы мы, повернув голову и по-новому направив взгляд, получили не дополнительную информацию о внешней среде, а информацию о состоянии наших внутренних органов – мышцах шеи или глаза. Такой нарциссизм восприятия, наверно, в чем-то соответствует проекту «чувственной эмансипации», высшей фазой которого стала бы полная независимость внутренней перцепции от гнета внешних, «принудительных» впечатлений, а инстинкта – от велений разума. Но он никак не соответствует проекту свободы – суверенности нашего мышления и сознания, которым ничто не мешает адекватно воспринимать действительность и на основе этого принимать адекватные решения» [17, с. 41–42].

И чтобы дополнить эти рассуждения А.С. Панарина, который не успел в полной мере воздать должное Интернету, приведем аргументы «чистых» психологов, полагающих, что «в некотором смысле пространство Интернета является третьим – после внешнего и внутреннего пространств – из известных человеку» [10, с. 17]: «реакция на ... разрушение внутреннего мира и агрессию внешнего в отношении личности может быть разная, но созданная в конце XX века виртуальная реальность Интернета предоставляет новые возможности для построения «своего» мира. Вопрос о границах Я и содержанием «моего» мира легко операционализируется в Сети. Результатом процесса решения задачи поиска себя может явиться как талантливый анализ волнующих человека событий, опубликованный в ЖЖ, так и выкладывание собственных фотографий на эксгибиционистском сайте – ценности самого появления нового инструмента конструирования внутреннего мира это не снижает» [там же, с. 15]. Заметим по ходу, что, разумеется «ценности нового инструмента конструирования внутреннего мира» и ценности последствий такого конструирования для личности и для ее окружения, это далеко не одно и то же. Но у нас здесь, как это понятно, речь идет о собственно конструировании новых образов внешнего и внутреннего миров, ну и – мира Интернета, хотя вопрос о его специфике пока открыт (в смысле отличия от внешнего мира).

Поскольку своего рода предварительные выводы нами фактически были сделаны по ходу всего вышеприведенного анализа, мы здесь лишь заметим, что в дальнейшем представляется важным обсудить вопросы, связанные с конкретными методиками исследования творческого восприятия, с более углубленным вовлечением в анализ поэтического восприятия как одного из наиболее объективно закрепляющих творческие картины и образы мира, личностное мировосприятие и мировоззрение как индикаторы конкретной реальной психической сферы человека [см. также 7; 11; 17].

ЛІТЕРАТУРА

1. Біла І. М. Психологія творчого конструювання в дошкільному віці : монографія / Біла Ірина Миколаївна. – К. : Веселка, 2011. – 431 с.
2. Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. – М. : ЗАО Центр-полиграф, 2007. – 816 с.
3. Ваганова Н.А. Розуміння старшими дошкільниками нової інформації у вербальній і візуальній формах: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Ваганова Наталія Аркадіївна. – К., 2006. – 172 с.
4. Вержиковская Л. Г. Творчество младших школьников как условие их подготовки к общественно полезному труду: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Вержиковская Лариса Германовна. – К., 1987. – 127 с.

5. Гулько Ю. А. Стратегії розуміння учнями творчих задач в ускладнених умовах: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Гулько Юлія Анатоліївна. – К., 2006. – 238 с.
6. Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. – М. : Арктогея-Центр, 2002. – 418 с.
7. Зиновьев А. А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.
8. Информационное общество : Сб. – М. : ООО Издательство АСТ, 2004. – 507 с.
9. Информационная эпоха: вызовы человеку / под. ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. – 335 с.
10. Кузнецова Ю.М. Психология жителей Интернета / Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
11. Кривопишина О. А. Психологія літературної творчості в юності : автореф. дис. докт. психол. наук : 19.00.07 / О. А. Кривопишина ; НПУ ім. М.П. Драгоманова. – К., 2011. – 40 с.
12. Медведева Н. В. Трансформація задуму в процесі образотворчої діяльності молодших школярів: дис. ... канд. психол. наук / Медведева Надія Віталіївна. – К., 2009. – 200 с.
13. Мойсеєнко Л. А. Психологія творчого математичного мислення : монографія / Л.А. Мойсеєнко. – Івано-Франківськ : Факел, 2003. – 481 с.
14. Моляко В. А. Техническое творчество и трудовое воспитание / В.А. Моляко. – М. : Знание, 1985. – 80 с.
15. Моляко В. А. Творческая конструкторология (пролегомены) / В.А. Моляко. – К. : Освіта України, 2007. – 388 с.
16. Новый словарь иностранных слов. – Мн. : Современный литератор, 2005. – 1088 с.
17. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002. – 496 с.
18. Симоненко С. М. Психологія візуального мислення: стратегіально-семантичний підхід / С. М. Симоненко. – Одеса : ПНЦ АПН України, 2005. – 320 с.
19. Скакун В. З. Решение технических задач в усложненных условиях как фактор формирования готовности старшеклассников к труду: автореф. на соискание научн. степени канд. психол. наук : 19.00.01 – общая психология / Скакун Василий Захарович. – К., 1988. – 15 с.
20. Снегирев В. А. Психология / В.А. Снегирев. – СПб. : Общество памяти игумении Таисии, 2008. – 768 с.
21. Третьяк Т. Н. Формирование стратегии комбинирования как средство развития творческого технического мышления учащихся : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Татьяна Николаевна Третьяк. – К., 1985. – 152 с.
22. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер ; под. ред. Е.Л. Варгановой. – М. : Аспект Пресс, 1004. – 400 с.
23. Фейерабенд П. Против метода / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М. : АСТ, 2007. – 413 с.
24. Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Пер. с англ. М. Жуковой. – СПб. : Амфора, 2001. – 479 с.
25. Шаванов С. В. Психологические особенности формирования стратегии реконструирования у старшеклассников : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Шаванов Сергей Валентинович. – К., 1989. – 134 с.
26. Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум / И.С. Шкловский. – М. : Наука, 1980. – 352 с.

Моляко В. А. ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗБЫТОЧНОСТИ ИНФОРМАЦИИ РАЗНОЙ МОДАЛЬНОСТИ И ЗНАЧИМОСТИ

В статье освещаются многоплановые аспекты изучения проблем творчества, творческого восприятия. Представлен теоретико-методологический анализ

функционирования стратегий в современных информационных сферах; делается попытка определения «факта» в психологии.

Ключевые слова: *творчество, творческое восприятие, информация, факт, стратегия.*

***Molyako V. A. PROBLEM OF CREATIVE PERCEPTION FUNCTIONING
IN THE CONDITIONS OF INFORMATION WITH DIFFERENT MODALITY
AND SIGNIFICANCE EXCESS***

Article presents multidimensional aspects of creativity and creative perception study. Theoretic-methodological analysis of strategies functioning in modern informational spheres is presented; an attempt of “fact” definition in psychology is performed.

Keywords: *creativity, creative perception, fact, strategy.*